

Я НЕ ЦЕЛОВАЛАСЬ 100 ЛЕТ

Саша Деленив

Я не целовалась 100 лет

«Автор»

2026

Деленив С.

Я не целовалась 100 лет / С. Деленив — «Автор», 2026

Что делать, если ты проснулась в гробу посреди стройки на улице Романтиков? Для Элизы, вампирши с довоенным воспитанием и склонностью к йоге, ответ неочевиден. Одно она знает точно: целоваться ей нельзя. Сто лет без практики, специфическая диета и острые клыки — не лучшее начало для романа. Но знакомство с Кириллом — талантливым фотографом, который видит красоту даже в полярной ночи, — меняет всё. Он обещает ей поцелуй, который заставит время остановиться. И он не догадывается, насколько буквальным может быть это обещание. «Я не целовалась 100 лет» — это история о любви, которая просыпается вместе с тобой, о городе, где нефтяники пишут стихи, и о том, что даже бессмертному сердцу нужно кого-то бояться потерять.

© Деленив С., 2026

© Автор, 2026

Саша Деленив

Я не целовалась 100 лет

Деленив А.С.

РОМАН

Я не целовалась 100 лет

Пролог: Там, где спят романтики.

Говорят, Нижневартовск стоит на болотах. Это правда, но не вся. Он стоит на костях мамонтов, на нефти и на несбывшихся проклятиях. Моё, например, пролежало в земле ровно век, пока экскаватор с жизнерадостной надписью «ЮграСтройИнвест» не зачерпнул ковшом трухлявый сосновый гроб на месте будущей улицы Романтиков.

Ирония судьбы? Нет, просто градостроительный план.

Меня зовут Элиза. И да, я вампир. Не смейтесь. Сто лет назад я была быстра, изящна и смертоносна, как пуля, выпущенная в салоне «Ориента». Сегодня я проснулась от того, что какой-то мужчина в оранжевой каске орал своему напарнику: «Саня, глянь, труп! Баба! Звони в ментовку, тут не просто стройка, тут уголовщина!»

Уголовщина, надо признать, была. Но не та, о которой подумал Саня.

Часть 1. Пробуждение.

Сначала был запах. Не аромат духов или пороха, к которым я привыкла, а резкая вонь солянки и талого снега, смешанного с песком. Затем — звук. Не скрип каретных колес, а чудовищный, визгливый гул перфоратора. Я открыла глаза.

Надо мной нависало двое. Один — рыжий, с обветренным лицом и папиросой в зубах (Саня), второй — молодой татарин с перепуганными глазами (видимо, его напарник). Увидев, что я моргаю, татарин перекрестился, а Саня выронил папиросу, которая упала прямо на атласную обивку моего гроба.

— Кхе, — сказала я. Голос звучал как несмазанная дверь.

— Живааа! — заорал Саня. — Ты глянь, Тимур, живая! Бабка, ты как? «Скорую» вызвать?

Я села. Атлас рассыпался в труху. Вместо бального платья цвета кофе с молоком на мне висели серые лохмотья. Волосы, когда-то уложенные в высокую причёску, спутались в колтун, напоминающий гнездо болотной совы. Но главное — голод. В горле першило так, будто я наглоталась битого стекла.

— Какой сейчас год? — проскрипела я, игнорируя вопрос о «скорой». Медицинская помощь мне требовалась специфическая.

— Две тыщи двадцать шестой, — ответил Тимур, нервно сжимая в руках планшет. — Вы это... из какого захоронения будете? Вы артистка? Или сектантка?

Я засмеялась. Вернее, попыталась. Получился сухой кашель. Две тысячи двадцать шестой! Сто лет. Феликс, мой драгоценный Феликс, который в порыве ссоры проткнул меня осиновым колом (не насмерть, лишь парализовал) и закопал на пустыре со словами «Ты остынешь и подумаешь над своим поведением», явно не рассчитывал, что «подумать» я буду целый век. Видимо, кол зацепил какой-то важный энергетический узел, погрузив меня в кому, похожую на смерть.

— Я историческая ценность, — ответила я, поднимаясь. Мышцы слушались плохо. — Мне нужна одежда и... где тут у вас водятся медведи?

— Вы это... из какого захоронения будете? Вы артистка? Или сектантка? — повторил Тимур, видимо решив, что я не расслышала.

Я отряхнула с рукавов труху, которая когда-то была брюссельским кружевом, и оглядела стройплощадку. Экскаватор, бетономешалка, двое мужчин в оранжевых касках. Феликс, конечно, обещал, что я «провалюсь сквозь землю от стыда», но не буквально же.

— Я, пожалуй, археологическая находка, — ответила я, пытаюсь придать голосу светскую непринуждённость, хотя горло драло, как после трёх бутылок «Шато Марго» 1811 года. — Скажите, а тут поблизости есть приличное ателье? Моё платье, кажется, слегка вышло из моды.

Саня посмотрел на мои лохмотья. Потом на Тимура. Потом снова на меня.

— Тимур, вызывай скорую. Или экзорциста.

— Лучше горячий чай и учебник истории, — поправила я. — Мне нужно наверстать упущенное за век. Надеюсь, люди всё ещё высадились на Луну? Или хотя бы изобрели что-то приличнее корсета?

Позже, сидя в строительном вагончике и кутаясь в чужую телогрейку, я изучала смартфон Тимура с жадностью исследователя, открывшего Атлантиду.

— Значит, это устройство заменяет вам телеграф, библиотеку, фотоателье и компас одновременно? — я листала приложения, как ребёнок листает книжку с картинками. — А можно с его помощью найти ближайшего медведя?

— Вам зачем медведь-то? — в десятый раз спросил Тимур.

— У меня редкое заболевание, — не моргнув глазом, соврала я. — Острый дефицит общения с дикой природой. Без регулярного контакта с крупными млекопитающими я чахну. Буквально.

Тимур нервно почесал затылок. Саня махнул рукой: «Артистка, что с неё взять».

Но я не артистка. Я просто очень, очень голодна. И очень, очень любопытна. А сто лет сна — это чудовищный информационный голод. К концу первой недели в Нижневартовске я прочитала больше книг по истории и физике, чем за всю свою предыдущую — человеческую и вампирскую — жизнь.

— Представляешь, — говорила я своему отражению в тёмном окне (которого, разумеется, не видела), — за то время, что я спала, люди изобрели атомную бомбу, интернет и биткоин. А я до сих пор не умею пользоваться микроволновкой. Увлекательное унижение.

Нижневартовск встретил меня огнями. Разноцветными, мигающими, режущими глаз. Мост через Обь, подсвеченный синим, показался мне воротами в другой мир. Здания, обшитые панелями всех цветов радуги, высились там, где раньше шумел лес.

Мои спасители-строители, решив, что я жертва неизвестного науке маньяка, дали мне старую куртку и проводили до хостела на окраине, посоветовав обратиться в полицию. Вместо этого я ушла в лес.

Бурый медведь — зверь сытый, ленивый и не ожидающий нападения от хрупкой девушки в чужом пуховике. Я добыла его в первую же ночь. Кровь у медведя густая, терпкая, с привкусом ягод и муравьиной кислоты. У Феликса был тонкий, изысканный вкус, он любил блондинок с голубой кровью аристократок. Я же всегда предпочитала дичь. Одного медведя мне хватало ровно на три месяца сытой, почти человеческой жизни. Так я решила проблему пропитания. Этично, экологично и без лишних вопросов от полиции.

Гораздо сложнее оказалось справиться с северным солнцем. Но я справлялась. В конце концов, за сто лет лежания в гробу у меня развилась отличная растяжка и философский склад ума. В ту первую зиму, добравшись до съёмной квартиры, я начала заниматься йогой. Серьёзно,

по два часа в день. Это помогало контролировать голод и не срываться на людей. А ещё — привело меня к одной важной мысли.

Феликс убивал ради забавы. Он врвался в бальные залы, как ураган, и пил, не спрашивая разрешения. Я же, лёжа в земле и медитируя (да, в гробу тоже можно медитировать), поняла: если ты забираешь жизнь, даже зверину, ты должна делать это осознанно. С благодарностью. С прощением.

Так родился мой ритуал. Перед каждой охотой — короткая медитация. Мантра, которую я шепчу зверю в момент нашей встречи. И лёгкий транс, чтобы он не чувствовал страха.

Удивительно, даже мысленно произносить это вслух было стыдно.

Я, Элиза Вяземская, рождённая в дворянской семье, обращённая в вампира на балу у графа Шувалова, пережившая революцию и проспавшая сто лет, теперь мурлычу мантры наддохлым зайцем, как хиппи-недоучка из веганского ретрита. Феликс, узнай он об этом, перевернулся бы в гробу. Если бы его гроб не сгнил ещё в тридцатых.

Я никому об этом не рассказывала. Даже риелтору Гоше, который делал мне паспорт и который, кажется, сам был немного экстрасенсом. Даже шаманке на Ямале, которая учила меня местным молитвам — ей я сказала, что «просто интересуюсь фольклором». Даже самой себе я старалась не признаваться, что этот идиотский ритуал реально работает. Что после него звери засыпают с улыбкой. Что я чувствую себя менее чудовищем и более... ну, ладно, чудовищем с дипломом по осознанности.

Но каждый раз, вставая в анджали-мудру перед ошарашенным медведем, я думала одно и то же: «Боже, как хорошо, что это никто не видит».

Часть 2. Город белых ночей.

Квартиру я нашла быстро. Деньги — вопрос решаемый, когда тебе сто с лишним лет и ты умеешь гипнотизировать риелторов. Мне досталась «однушка» в новом доме на той самой улице, которую только достраивали. Символично. В моем паспорте (сделанном через неделю у мастера теневых дел по имени Гоша) значилось: Элиза Артуровна Вяземская. Внешне я привела себя в порядок. Из зеркала на меня смотрела девушка лет двадцати пяти с фарфоровой кожей, темными глазами и волосами цвета воронова крыла. Вернее, не смотрела — зеркала по-прежнему меня игнорировали, но по отзывам очевидцев я была весьма недурна.

Но была проблема, которую не решить гипнозом. Белые ночи.

Летом в Нижневартковске солнце не заходит полностью. Оно лишь стыдливо прячется за горизонт на час-другой, оставляя небо тревожно-розовым. Для вампира это пытка. Свет для меня не смертелен, Феликс в этом смысле наплел много сказочного вздора. Но он вызывает невыносимую мигрень и сильную сонливость.

Моим спасением стали шторы «блэкаут». Плотные, многослойные, они делали из моей спальни подобие склепа — темного, прохладного и абсолютно изолированного от внешнего мира. Весь июнь и июль я жила, как крот. Засыпала в четыре утра, когда небо чуть темнело, просыпалась в полдень, чтобы, не раздвигая штор, заняться йогой или чтением, и снова выходила на улицу только к полуночи.

Чтобы не сойти с ума, я занялась самообразованием. Онлайн-курсы, аудиокниги, лекции по квантовой физике. Вампир, который понимает принцип неопределённости Гейзенберга, — это, скажу я вам, редкий зверь. А ещё я открыла для себя мир стриминговых сервисов. «Сумерки» меня оскорбили, «Дракула» Брэма Стокера — позабавил, а «Что мы делаем в тени» — заставил рыдать от смеха. Впервые за сто лет.

Однажды риелтор Гоша, который помогал мне с документами, спросил:

— Слушай, Элиза, а зачем тебе вообще паспорт? Ты же бессмертная. Могла бы жить без бюрократии.

— Гоша, душенька, — я как раз заполняла налоговую декларацию (да, я плачу налоги, не смотрите так), — бессмертие без документов — это не свобода, а головная боль. Без ИНН я даже на благотворительность не могу оформить регулярный платёж.

— На что? — он поперхнулся чаем.

— На благотворительность, — я пожала плечами. — У вас тут фонд защиты амурского тигра. И приют для бездомных собак. И общество сохранения хантыйской культуры. Я вампир, а не варвар.

Гоша долго смотрел на меня, потом пробормотал: «Ну и клиенты у меня...» и ушёл.

А что такого? За сто лет у меня скопилось немного фамильных драгоценностей. Они лежали со мной в гробу — Феликс, при всех его недостатках, был жаден и не обчистил мои бриллиантовые серьги. Продав их через надёжного скупщика, я получила капитал. И вместо того чтобы, как положено вампиру, купить замок и завести трёх горничных для гипноза, я открыла небольшой грантовый фонд для молодых художников Нижневартовска. Анонимно, разумеется.

Первым грантополучателем — совершенно случайно — стал один фотограф. Но это я узнала позже.

Вартовчане, гуляющие под вечным солнцем, казались мне инопланетянами. Они выгуливали собак, катались на велосипедах и самокатах, жарили шашлыки во дворах, и на их лицах не было ни тени усталости от этого бесконечного дня. Креативные, как говорит молодежь. Я видела граффити на трансформаторных будках, изображающие нефтяников в скафандрах, танцующих с оленями. Слышала, как парень в наушниках читал рэп про хантыйских богов на фоне панельной девятиэтажки. Наблюдала за девушкой, которая в три часа ночи рисовала маслом рассвет на набережной. Безумный, яркий, талантливый город. Мне он нравился.

Но летом я выла от тоски в своих черных шторах. А зимой начиналась другая беда.

Медведи впадают в спячку.

С первым снегом лес затихал. Я бродила по замерзшим болотам, проваливаясь в сугробы, приноживалась, пытаясь найти шатуна, но безуспешно. Запасы крови в морозилке, подписанные как «клюквенный морс», таяли на глазах. Голод накатывал волнами, превращая меня в нервное, дерганое существо.

Именно тогда таксист Аслан, который вез меня с очередной бесплодной вылазки, заметил моё состояние и сказал сакраментальную фразу:

— Слушай, начальник, чего ты как не родная? Езжай на Ямал. Там зайцев — тьма. Полярных.

Я сначала посмеялась. Я, столетний вампир, гроза медведей, буду гоняться за каким-то ушастым? Но голод — не тётка. Изучив карту и повадки арктического беляка, я поняла: это гениально. Полярный заяц — зверь крупный (до шести кило живого веса!), не впадает в спячку, и, главное, в тундре его никто не считает. Экологичный, возобновляемый ресурс. Правда, минусы тоже были: он быстрый как чёрт, отлично маскируется, и живёт в местах, где ветер сбивает с ног даже вампира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.